

Андрей Цебоев

Последний наблюдатель

Андрей Цебоев

Последний наблюдатель

«Автор»

2026

Цебоев А.

Последний наблюдатель / А. Цебоев — «Автор», 2026

«Последний наблюдатель» — это камерная научная фантастика о хрупкости мира, цене ошибки и экзистенциальном ужасе перед лицом непознаваемого. Десять лет Алексей Озеров служит на орбитальной станции наблюдения, превратившейся из мечты о звездах в ржавую пробку в бутылке с перебродившим человечеством. Его задача проста: смотреть вниз и ждать ракет, которых никто не запускает. Но когда холодная война между блоками Земли достигает точки кипения, а радары слепы к тому, что происходит за спиной у системы, Алексей решает рискнуть всем. То, что он находит в глубинах космоса, кажется спасением: шанс объединить враждующие блоки перед лицом внешней угрозы. Но где-то на ледяных окраинах Солнечной системы просыпается другой наблюдатель. Тот, кто решил нарушить главный запрет своей расы и вмешаться в судьбу людей. Две линии судьбы пересекаются в вакууме. Один хочет спасти мир, показав ему чудо. Другой — предотвратить катастрофу, показав страх.

© Цебоев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Цебоев

Последний наблюдатель

Глава первая

Запись #734. Дата: 14.03.2278. Время: 13:47 по стандартному корабельному.

Когда-то один древний мыслитель сказал, что война — двигатель прогресса. Враньё. Война — это тормоз. Ручной тормоз, который человечество начало намертво затягивать ещё в прошлом тысячелетии и так и не смогло отпустить.

Дед рассказывал, что раньше люди по-настоящему мечтали. О звездах, о полетах, о покорении космоса. Мы мечтали, что на Марсе будут яблони цвести.

Марс... Великая мечта. Илон Маск, наверное, переворачивается в своем криосаркофаге где-то под Аризоной. Мы долетели и даже успели построить несколько куполов для будущих колонистов. А потом начали воевать за его красноватую, никому не нужную пыль. И через какие-то два года люди просто бросили всё и вернулись на Землю. Проект покорения Марса свернули, потому что в очередной раз не смогли договориться и... поделить вакуум. Глупо звучит, да? Но именно так и вышло.

Помню, когда я был еще школьником, наступило «потепление» в международных отношениях и взгляды опять устремились в небо. Международная комиссия под руководством ООН смогла договориться о начале строительства сети космических станций, которые должны были объединить потом в Орбитальное кольцо.

В новостях постоянно показывали репортажи с этой самой дорогой в истории стройки. Помню как сказал отцу: «Я обязательно буду там работать!», а он как-то печально улыбнулся. Я тогда не понимал...

И вот когда до окончания строительства станций оставалось всего-ничего начался конкурс на подготовку персонала, будущей инженерной элиты. Мой диплом архитектора систем дальней космической телеметрии очень пригодился. Только вот телеметрия оказалась не дальней...

День прибытия на «Восточный» для доставки на станцию был, наверное, самым счастливым в моей жизни. Но пока мы взмывали в небеса какие-то политики опять не смогли договориться и началось очередное противостояние.

Я даже не успел прикоснуться к пультам наблюдения за звездами — приоритеты «временно» изменились. Но вы же знаете как у нас говорят? Нет ничего более постоянного, чем временное.

И вот уже 10 лет я здесь. На «передовой» этой затянувшейся «Холодной войны». Орбитальная станция ОКО-4, сектор обороны 12-Г. Нас называют «глазами» системы ПКО, но на самом деле мы — её седативные капли. Все надеются, что мы никогда ничего не обнаружим. Враги — вокруг на таких же орбитах и там, внизу на Земле, такие же люди. А космос... космос мёртв, пуст, нечего там искать. Все это знают.

— Эх, Лёха, попадётся ты когда-нибудь на этих своих дневниках. Вел бы на личном компе, а не на служебном. А то у Гусева совесть может и дырявая, но логи он смотреть умеет.

Щёлк.

Алексей обернулся, сменив программу на экране. В паре метров, опираясь на выключенный терминал, стоял Василий Ломовой — коллега, друг и единственный человек на орбитальной станции, кому он по-настоящему доверял. Однокашник по ВУЗу, получивший прозвище

«Лом» за редкий талант говорить правду в лоб, невзирая на звания и последствия. Вероятно, именно поэтому он и торчит тут, на краю света, который и не мир уже, и не космос, а так — ржавая пробка в бутылке с перебродившим человечеством.

Алексей выдохнул, отвернулся и закончил запись. Он по привычке защитил паролем файл и отправил его в скрытую папку на локальном диске.

— Да кому я нужен? — Алексей махнул рукой, жестом указывая на унылые серые стены отсека, на мигающие лампочки панелей, которые уже выглядели «уставшими». — Ты когда последний раз видел, чтобы Гусеву было дело до чего-то, кроме расписания дежурств и отчётности о расходе кислорода?

Станция скрипнула под ногами, как старый корабль, выдавая очередную микровибрацию. ОКО-4. Орбитальный Командный Опорный пункт. Громкое имя для скопления модулей, часть из которых законсервирована.

Когда станцию начинали строить, полагалось, что Кольцо станет передовым форпостом, будущей верфью, глазами и ушами Земли. Но почти три десятилетия спустя после начала строительства, все 12 орбитальных основных станций и десятки вспомогательных так и наматывают круги вокруг Земли не приближаясь друг к другу. А с тех сторон, где планировалась стыковка с другими такими же станциями, фермы местами торчат как скульптуры из серии «Нашим несбывшимся надеждам».

— Пахнет сегодня жжёной изоляцией особенно рьяно, — сморщился Василий, плюхаясь в кресло рядом. — И не говори, что не чувствуешь. Хотя ты тут сидишь целыми днями, уже привык, наверное.

Алексей действительно привык. К запаху, к вечному гулу вентиляции, выдавливающей почти что земной воздух из рециркуляторов, к ощущению, что ты не покоритель космоса, а сторож на гигантском кладбище амбиций.

— Вась, ты чего хотел-то? — отстранённо спросил Алексей, делая вид, что изучает экран с данными, на которых не было ровным счётом ничего интересного.

— Жалобу на тебя накатать! Ха! — Ломовой широко ухмыльнулся. — Что, не смешно? Ладно, не ворчи. Идёшь есть? Обед уже по расписанию. Говорят, сегодня синтетическая котлета по-киевски. Почти как дома.

Алексей взглянул в угол экрана. И правда — обед. Рутинная скука нагоняла волчий аппетит. А упоминание о котлете по-киевски, пусть и синтетической, заставило желудок предательски сжаться.

— Да, пошли. Только в этот раз обойдёмся без твоих перформансов на кухне? — Алексей поднялся, суставы хрустели после многочасового сидения неподвижно. — Бедолага повар и так, наверное, не понимает, за что ему все это.

— Он должен на коленях молиться, что на космической станции в двадцать третьем веке для него вообще нашлась работа! — фыркнул Василий, выходя в коридор. — На более новых малых станциях сразу поставили фабрикаторы. Нажал кнопку — получил свой питательный брикет со вкусом «условно-мясного». А тут у него целый цех, почёт и уважение!

Они вышли в уже знакомые коридоры станции, где каждый шаг отдавался эхом по композитным стенам.

Дверь в столовую с шипением разъехалась в стороны, и на Алексея и Василия обрушилась волна гула голосов, шипения с кухни и густого, навязчивого запаха жареного жира, чая и чего-то сладковато-синтетического. Это была одна из двух работавших столовых, и сейчас она была заполнена людьми наполовину. Алексей знал всех в лицо и по именам, но без необходимости за столы к другим не садился. Этот день не стал исключением. Они с Василием кивнули паре коллег и направились к раздаче.

— Приветствую, Евгений Петрович! — голос Ломового прозвучал с преувеличенной почтительностью. — Сегодня вы сами изволили собственноручно творить кулинарный шедевр? Пахнет... интенсивно.

Повар, мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и обвисшими плечами, мрачно взглянул на него из-за стойки.

— Вась, отстань от человека, бери свою порцию и иди, — тихо, но твёрдо сказал Алексей, двигая поднос. — Не обращай внимания, Жень, — добавил он, обращаясь к повару. — Он всё ещё не может пережить тот синтетический бифштекс, после которого полстанции с пищевым отравлением на больничном сидело.

— Да я не виноват! — повар развёл руками, и на его лице мелькнула искренняя обида. — С Земли партия бракованная пришла. Мы ж не рентгеном каждую банку просвечиваем!

— Надо бы! — огрызнулся Василий, уже отходя с подносом.

— Вась, чай-то возьми. И прекрати, серьёзно, — Алексей взял два стакана с бледноватой ароматной жидкостью. — Не принимай близко к сердцу, — кивнул он повару и направился к столу.

Они сели за пустой утилитарный стол из литого металлопласта, имитирующего алюминий, произведённый, скорее всего, тут же, на станционном принтере из порошка. Лавки были жёсткими, не особо удобными, но прочными. Как и всё на ОКО-4, они могли служить практически вечно, напоминая о том, что станция строилась надолго.

— Ну расскажи мне нафига тебе этот дневник, а? — Василий с набитым ртом жевал свою «котлету», смотря на Алексея умоляющими глазами. — Я тебя сколько знаю — всё не пойму. Ладно, Гусева ты не боишься, с этим я смирился. Но неужели нет занятия поинтереснее?

— А я, может, так медитирую, — Алексей усмехнулся, аккуратно разрезая синтетическую котлету. — Между дежурствами по спасению человечества нужно же как-то расслабляться. Или мемуары пишу. Для истории.

— Мемуары? — Ломовой фыркнул. — У тебя работа — пялиться в экран и ждать, пока он не заполнится ракетами, которых никогда не будет! И кому твои мемуары сдались? Ты когда в последний раз настоящую книгу видел? Не отчет, а вот чтоб с сюжетом и героями?

— Зря ты так, — Алексей сделал глоток чая. — Если что-то и случится, первые залпы пойдут с Земли. А мы будем теми, кто первым увидит и предупредит. Возможно, это кому-то спасёт жизни.

Василий многозначительно хмыкнул, не в силах ответить из-за полного рта. Алексей уже собирался продолжить свою мысль о том, что холодная война скоро должна закончиться и у людей снова появится время для книг, но не успел.

— Громче! — кто-то крикнул с дальнего стола. — Сделай громче, говорят!

Шум в столовой на секунду стих, сменившись щелчком пульта. Все взгляды упёрлись в экран плазмы, висевший под потолком, где беззвучно уже несколько минут выступал какой-то чиновник с каменным, непроницаемым лицом.

— ...расцениваем это не иначе как преднамеренную провокацию, — лился ровный, лишённый эмоций голос. — Проникновение беспилотных аппаратов в наше воздушное пространство над акваторией Средиземного моря является грубейшим нарушением всех существующих договорённостей. Мы исчерпали лимит на предупреждения. Любые последующие инциденты будут рассматриваться как акт вооружённой агрессии и посягательство на суверенитет Союза. Ответ будет жёстким, симметричным и неотвратимым. Территориальная целостность и безопасность Союза не подлежат обсуждению.

На этом он закончил. В зале повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь шипением вентиляции. Несколько секунд все молча смотрели на экран, где теперь показывали следующего оратора, прежде чем кто-то снова выключил звук.

Гул разговоров возобновился, но теперь он был приглушённым, нервным. Исчезла расслабленность, спина у Алексея сама собой выпрямилась.

— Ну что, твой романтизм всё ещё верит, что эта война скоро кончится? — тихо спросил Василий, уже без намёка на издевку. — Боюсь, что она кончится, Лёх. Однажды. Одним большим, красивым ядерным грибом. И мы с этой высоты будем как раз на лучших местах для наблюдения.

Алексей ничего не ответил. Он смотрел на своих коллег — на этих уставших людей. И увидел на их лицах то же, что чувствовал сам: страх и леденящее понимание. Если эта «холодная» война сегодня всё-таки станет горячей, их огромная, напичканная электроникой станция превратится в обычную смотровую вышку. И всё, что им останется — это молча наблюдать с орбиты, как внизу загорается мир.

После обеда они молча брели по бесконечному коридору обратно к своим постам. Алексей шёл к постам внешней телеметрии, Василий — чуть дальше, в узел связи.

— Да не начнут они, не парься, — голос Ломового прозвучал неестественно громко, пытаясь разорвать тягостное молчание. — Ни нашим, ни ихним это не сдалось. Одна ракета — и кирдык всему цивилизованному миру. Это все понимают. Ядерный паритет, помнишь?

— Ага, — выдавил из себя Алексей, чувствуя, как в горле застревает комок.

— Лёх, да ты чего вообще? Ну, мало ли что тот клоун в телевизоре ляпнул. У них, может, выборы скоро, рейтинги поднимает. Сколько раз уже кулаками сотрясают. Кстати, когда там у них выборы? — Василий сделал вид, что напряжённо вспоминает, но по лицу Алексея понял, что отвлечь его не удалось.

— Да всё ясно, Вась. Всё я понимаю, — Алексей с силой провёл рукой по лицу, словно стирая с него напряжение. — Просто... с такой ерунды всегда всё может и начаться. Но ты прав, в здравом уме никто не рискнёт.

Он попытался вложить в голос больше уверенности, чем чувствовал на самом деле.

Остаток пути они прошли молча, уткнувшись взглядами в пол. Дорога от столовой до рабочих мест была выучена за годы службы до автоматизма. Они шли мимо уже привычных картин, изображавших славную историю Евразийского Союза. Первый спутник. Улыбка Гагарина. Рукопожатие лидеров России и Китая на фоне флагов. Первые марсианские модули, следующие за кораблями Маска. Торжественная сварка последней секции первой орбитальной верфи «Заря». Закладка первого блока будущего Кольца.

Теперь это был просто фон, позолота на багровой портъере, которую никто не раздвигал. Интересовать это могло разве что новоприбывших, пока их глаза ещё горели чем-то кроме страха и усталости.

— Ладно, я пошёл, — бросил Василий, останавливаясь у развилки. — Не грусти, ты ж романтик, в конце концов.

Алексей кивнул и зашёл в свой отсек. Первым делом — рутина. Он механически проверил данные — всё чисто. Только помехи от скоплений космического мусора, которые всё чаще вели себя странно, будто сбиваясь в стаи.

«Надо отправить запрос, может как-то подцепят пару куч», — по привычке мысль промелькнула у него в голове и осела где-то в глубине сознания.

И только закончив обязательными рабочими задачами, Алексей позволил себе отвлечься. Он переключил интерфейс наблюдения на соседей. На практически такую же станцию Тихоокеанского Блока, что парила почти в двух тысячах километров от них. Формально — потенциальный противник. По факту — такие же «заключённые» на орбите. Было интересно, почти шпионски щекотно, наблюдать, как они отреагировали на новости. Отреагировали ли? Или у них там тоже какой-нибудь свой чинуша с каменным лицом вещал что-то о «красных линиях»?

Он увеличил изображение, вглядываясь в телеметрию чужой, такой же одинокой станции. Но на экранах, показывавших «противника», не происходило ровным счётом ничего значимого. Ни всплесков активности, ни подозрительных манёвров. Только привычная рутина, такая же сонная и вымученная, как и на его орбитальной станции.

Лишь одна деталь цепляла глаз: пара из направленных антенн, обычно смотрящих в сторону Земли, теперь были развёрнуты поперёк орбиты, в сторону других станций. В том числе — и он проверил данные дважды — в сторону их собственного ОКО-4.

Они тоже смотрят. И, наверное, так же переживают, гадая, не решится ли кто-то там, внизу, нажать ту самую кнопку.

И это странным образом успокаивало. Вся пропаганда о кровожадных фанатиках по ту сторону баррикад сейчас казалась особенно глупым враньём. Такие же люди. Так же сидят в своих жестяных банках, так же боятся и так же надеются, что пронесёт. Просто одни рисовали на стенах Гагарина, а другие — кого-то своего, не менее великого в их глазах героя.

В этот момент вся эта гигантская, четырехвековая машина взаимного уничтожения показалась Алексею настолько чудовищно бессмысленной, что его буквально затошнило. Острая, физическая волна отвращения ко всему этому — к генералам, политикам, красным линиям, беспилотникам и вечному страху.

Ему нестерпимо захотелось поскорее закончить эту смену. Чтобы можно было наконец запереться в своей каюте и уткнуться во что-то своё, настоящее. В то, что не имело никакого отношения ни к этой станции, ни к этой войне, ни к этому вечному, всепоглощающему страху. Хотя бы на пару часов вырваться из этой серой, прогнившей насквозь реальности.

Алексей откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаясь прогнать тошнотворное чувство безысходности. В ушах назойливо гудели вентиляторы, втягивающие и перерабатывающие один и тот же воздух, который уже давно казался ему спёртым от общих страхов.

Запись #735. Дата: 14.03.2278. Время: 17:38 по стандартному корабельному.

Помню, как мы воодушевленные и радостные проходили иллюз из корабля на станцию. Создавать своими руками историю! Кто бы не хотел? Моей первоначальной задачей была настройка дальней космической телеметрии. Космическая связь для новых экспедиций к Марсу и Европе. На станции уже был смонтирован блок обсерватории с самыми современными радио- и оптическими телескопами Союза. Я предвкушал...

Но на выходе из иллюза нас встретил полковник Гусев. Он выглядел как-то слишком глубоко погруженный в свои мысли для человека, которому предстояло возглавить один из маяков человечества.

«Ситуация изменилась. Международные отношения оказались в кризисе и перед нами поставили новые задачи. Лейтенанты Фролов и Дружинин проведут вас в жилые отсеки. Назначение на посты и новые задачи вам будут озвучены завтра в столовой в 8:00 по стандартному корабельному времени»

С тех пор добрая половина станции находится на консервации, а новичков к нам присылают всего с десяток в год. Вот так мечта быть ближе к звездам разбилась о суровую реальность.

Алексей посмотрел на время. До конца рабочей смены оставалось всего пять минут. Он сохранил запись и принялся напоследок проверять показания на экране. Мельком взглянув на орбитальную станцию Тихоокеанского Блока, он отметил, что с их стороны активность прекратилась полностью.

«Первый испуг прошел и они, как и мы, вернулись в привычный будничный ритм», — отстраненно подумал Алексей.

Заканчивая свою смену, Алексей ощущал под черепной коробкой невыносимую, глухую тяжесть. Это было ощущение полной истощенности, выжженной пустоты внутри, достигшее такой глубины, что начало казаться физическим законом станции, вроде искусственной гравитации.

Малая численность экипажа давала одно неоспоримое преимущество — простор. Каюты были одинарными, и соседа подсаживали только по обоюдному желанию. Для Алексея сосед стал бы катастрофой, нарушением хрупкого баланса его эмоционального состояния в условиях постоянного давления Холодной войны. К тому же, буквально через стену обитал Василий Ломовой, и этого человеческого тепла, пусть и часто в виде едкого сарказма, с лихвой хватало.

Глава вторая

Сидя у иллюминатора в комнате отдыха, Алексей закрыл глаза и позволил мыслям унести́сь назад. Туда, где всё начиналось.

Первый год на ОКО-4, несмотря на накативший поначалу шок, был похож на увлекательное исследование полузаброшенного замка. Они с Ломом облазили всё: музейную зону, где датчики движения включали свет на пропагандистских витринах с моделями устаревших спутников; оранжерею с молодыми ростками, над которыми сиротливо гудел автоматический полив; гостевой сектор с законсервированными каютами, где в шкафах наверняка пылились рулоны не расстеленных ковров с гербами более не дружественных государств. И, конечно, закрытый астрономический модуль — некогда гордость станции, а ныне склеп с дорогими, никому не нужными телескопами, смотрящими в мёртвую, никому не интересную пустоту космоса.

Годы спустя все доступные отсеки стали до невозможного привычны. Алексей мог поклясться, что сможет пройти ОКО от одного конца до другого с закрытыми глазами ни разу не врезавшись в переборки. Новизна постепенно прошла, и работа стала состоять из череды отработанных действий. И в этой рутине Алексей постоянно вспоминал, как будучи маленьким смотрел с дедушкой в ночное небо через телескоп. Вот и сейчас он сидел в тесном закутке у обзорного стекла с чашкой остывающего чая, задумчиво разглядывая тонкий голубой ореол атмосферы и бездонную черноту за ней.

— Ну что, вспышки не видно? — раздался рядом ехидный голос Ломового.

Алексей медленно повернул голову. По его тяжелому взгляду Василий сразу понял, что шутка не зашла.

— Шучу! Прости, — он примирительно поднял руки. — Ты чего тут сидишь такой мрачный? Не насмотрелся на радары, решил вживую полюбоваться?

Алексей отвернулся к иллюминатору и, выждав пару секунд, тихо ответил:

— Я вспоминал, как мы только прилетели. Помнишь, я всерьёз мечтал настраивать телескопы и помогать покорителям Солнечной системы? — он глубоко вздохнул, проводя пальцем по холодному стеклу. — Может, ещё не поздно?

— А, так вот ты чем занят! — фыркнул Ломовой, прислоняясь плечом к переборке. — Ты наблюдаешь за звёздами, ага. И как успехи? Созвездие Кассиопеи уже сдаётся?

— Да не про звёзды я, Вась, — добро огрызнулся Озеров. — У нас же есть обсерватория. Настоящая. С оптикой, которая видит дальше, чем наши убогие локаторы. Может, она ещё жива?

— Жива-то она жива. Но если ты забыл, обсерватория на консервации. Шлюз заблокирован и доступа туда нет ни для кого.

— Я тут подумал. Хочу поговорить с Гусевым, — как-то слишком буднично сказал Алексей.

Василий удивленно замер от резкой смены темы. Потом театрально откинулся назад и приложил ладонь ко лбу.

— Всё, доигрался. У тебя нервный срыв на фоне геополитической обстановки. В этом, наверное, и моя вина — надо было меньше тебя пугать новостями. Сейчас открытый космос — это последнее, что интересует нашего дорогого командира. Ему бы отчёты по кислороду свести, да на Землю отчитаться.

Алексей не ответил сразу. Он смотрел на отражение своего лица в стекле, за которым простиралась бесконечная, никем не контролируемая бездна. Идея, которая зрела последние пару дней, наконец обрела форму.

— Я предложу Гусеву то, от чего он не сможет отмахнуться, — медленно произнес Озеров, поворачиваясь к другу. — Я продам ему страх.

— В смысле?

— Смотри. Наша орбита — семьсот километров. Локаторы и камеры смотрят вниз, на Землю, и по касательной на соседние станции. А что у нас за спиной? Глубокий космос. Слепая зона.

Василий скептически прищурился.

— И что?

— А вдруг кто-то решит зайти нам в тыл? — Алексей поднял палец. — Высокоэллиптическая орбита, лунный сектор, подлёт со стороны Солнца... Активный радар мы включить не можем, будет много вопросов со стороны других государств. А вот оптика обсерватории и пассивные сенсоры — идеальные инструменты. Я напишу скрипт, который будет отслеживать межзвездное пространство. Если кто-то перекроет свет звезды корпусом ракеты или станции — система зафиксирует и сразу же сообщит.

Ломовой с полминуты молча пялился на друга, переваривая услышанное. Он посмотрел на иллюминатор, потом снова на Алексея.

— Ты хочешь прийти к Гусеву и сказать, что на нас могут напасть... со стороны звёзд? — Василий изобразил гримасу, идеально передающую немое «мда». — Лёх, тебе самому от этой бредятины не смешно? Тебя же никто не пустит в обсерваторию под таким нелепым предлогом.

— Это не бредятина, а протокол безопасности, — упрямо сжал челюсти Алексей. — Просто давно невостребованный и позабытый.

— Как скажешь, стратег, — бросил Василий, отклеиваясь от стены. — Ну а я, пожалуй, пойду. — он окинул друга оценивающим взглядом и усмехнулся. — А то вдруг это заразно? А мне ещё вахту нести.

Василий, улыбнувшись напоследок, развернулся и пошёл в сторону жилого модуля. Алексей проводил его взглядом, а затем вновь повернулся к иллюминатору. Отражение в стекле больше не казалось ему просто уставшим оператором. В глазах мелькнул опасный, давно забытый огонёк исследователя.

После смены Алексей еще раз отрепетировал в своей каюте предстоящий разговор. Он сверил время на часах, до отбоя ещё оставалось полтора часа и не дав себе передумать он направился в сторону каюты капитана. И с каждым шагом страх перед этим разговором становился всё сильнее, хотя причин для него не было.

Единственным отличием зоны, где располагалась каюта командира станции, был цвет стен. Здесь они были изготовлены из красного композита — в противовес синему, что преобладал в отсеках для линейного персонала. На этом различия заканчивались. Ни намёка на ковры, дополнительные светильники или хоть какие-то картины на стенах. Простой посетитель, оказавшись он здесь, вряд ли догадался бы, что это «элитная» часть станции. Та же самая утилитарная простота, лишь с другим оттенком стеновых панелей.

Алексей застыл перед дверью, рука, занесённая для стука, повисла в воздухе. Он собрал волю в кулак и постучал. Стук получился робким, почти заискивающим. В ответ — тишина. Прошло, показалось, не меньше минуты. Он уже подумывал, не отправиться ли на поиски Гусева в сторону его кабинета, как за дверью наконец раздался шум шагов и шлюз с негромким шипением отъехал в сторону.

На пороге стоял Виталий Степанович Гусев. Лицо его выражало, присущую многим здесь, усталость и легкое удивление. Он был одет в стандартную, выглаженную офицерскую униформу, будто и не собирался отдыхать. Увидев Алексея, капитан слегка прищурился.

— Озеров? Какой чёрт принёс тебя в такой час? — в его голосе мелькнула лёгкая, профессиональная тревога.

— Добрый вечер, Виталий Степанович, — Алексей почувствовал, как у него слегка подрагивают руки, и сжал их в кулаки за спиной. — Я... я по личному делу. Мне нужен доступ в обсерваторию.

— Обсерваторию? — переспросил он, растягивая слова. — Она на консервации. Что ты там забыл? Работы мало?

Несмотря на несколько часов репетиции в каюте, разговор вживую оказался более волнительным.

— Я... я предполагаю, что это наша слепая зона, — слова понеслись сами, опережая мысль. — Противник может использовать её для скрытного манёвра. Я хочу задействовать оптические приборы и пассивные радары с той стороны для дополнительного наблюдения. Настрою автоматическую запись, — он становился все увереннее, — буду ежедневно проверять данные и представлять вам еженедельный отчёт.

Гусев молча уставился на него, его взгляд стал тягучим, как смола. Потом он вздохнул — тяжело, устало.

— Озеров... — он оперся на торец проема шлюза. — Ты думаешь, я не знаю, зачем тебе обсерватория? Ты хочешь наблюдать за звездами. Сбежать от этой... — он махнул рукой в сторону станции — ...реальности. Понимаю. Я прекрасно помню, для чего ты прибыл на эту станцию 10 лет назад. Я же читал твоё личное дело.

Гусев замолчал, глядя куда-то в сторону. Было ощущение, что он собирался с мыслями для продолжения разговора.

— Но послушай меня внимательно. Обсерватория закрыта не потому, что я так захотел. А потому что там ничего нет. Никаких угроз. Никаких чудес. Только телескопы, которые смотрят в пустоту. Ты потратишь своё время, ресурсы станции... и получишь ровным счётом ничего.

Он снова замолчал и посмотрел на Алексея — уже без раздражения, почти по-отечески.

— Может мы ещё вернемся к этому разговору, но не раньше, чем закончится конфликт внизу. А сейчас иди отдыхать.

Шлюз с шипением закрылся перед носом Алексея, оставив его одного в красноватом полумраке пустого коридора.

Он стоял, чувствуя, как жар подступает к лицу. Гусев все понимал. Понимал и всё равно отказал. Не потому, что был бюрократом. А потому, что считал мечту Алексея такой же мёртвой, как и эти телескопы за запертой дверью.

Он развернулся и пошёл прочь. Шаги отдавались эхом в пустом коридоре. В голове крутилась одна мысль: *«Может мы ещё вернемся к этому разговору...»*

Запись #736. Дата: 15.03.2278. Время: 21:42 по стандартному корабельному.

Знает он... И что с того?!

Я наконец решил на разговор с командиром, подобрал слова, выложил всё как на духу. А Гусев в ответ сказал, что знает зачем мне доступ в блок обсерватории и отправил отдыхать.

Мы сидим тут как подопытные мыши в космической банке на высоте в 700 километров и просто смотрим сверху на Землю. На станции есть обсерватория, лаборатория. У нас даже сад есть! Представляете, настоящий САД в космосе!? И если бы не Петя Иванцов, наш инженер из отдела систем поддержания, уже как джунгли бы выглядело все. Только он «подрабатывает» садовником и поддерживает там порядок и красоту.

Я учился, проходил отбор и стремился сюда не для того, чтобы смотреть на Землю в ожидании ракеты. Я не сдамся, надо с Васей поговорить, может что-то вместе придумаем, но я точно попаду в обсерваторию.

Алексей оторвался от клавиатуры и несколько раз в злобе сжал кулаки. Он чувствовал себя будто школьник, которого отчитал учитель. А он высокочеловеческий профессионал, который

выполняет задачи доступные любому идиоту. Он почувствовал, как его раздирают обида и злость и понял, что надо успокоиться.

Алексей глубоко вдохнул, закрыл глаза и медленно выдохнул. Несколько повторений этого не сложного ритуала и стало заметно легче. Он злился на эту жизненную несправедливость, на невозможность изменить что-либо и на свою нерешительность. Наверняка если бы он настоял на своем увереннее, то смог бы уговорить Гусева дать доступ несмотря на консервацию.

Он взглянул на свой «очерк». Может стоит удалить? Но все же решил оставить. С самого начала этот цифровой дневник нужен был для того, чтобы можно было выговориться. Хотя бы компьютеру.

Алексей сохранил запись и выключил экран. Надо отдохнуть. Гусев сказал: «Может, что-то изменится». Ну что ж, посмотрим. Завтра будет новый день и я начну новый путь к обсерватории.

Глава третья

Утром, выходя из каюты, Алексей с удивлением встретил сонного и немного всклокоченного Ломового. За многие годы дружбы он, конечно, видел его таким, но вот на станции — ни разу. Несмотря на свой характер, Василий всегда старался выглядеть опрятно и соблюдал режим.

— Вась, ты чего такой? Случилось что-то? — с легким беспокойством спросил он.

— А, чего? Нееет, — как-то нечетко ответил тот. — Мы просто вчера почти всем отделом с Иванычем отмечали, я только недавно вернулся.

Алексей понял, что в таком состоянии друга нельзя отпускать на службу. Ладно коллеги, а если Гусев или его замы увидят? Потом без проблем не обойдется. Но есть проверенный поколениями способ привести в чувства человека, который практически не спал.

— Пошли в столовую. До начала смены есть еще время, — уверенно сказал он аккуратно, но уверенно подхватывая под локоть друга. — Как раз успеем тебе кофе крепкий взять.

После кружки крепкого кофе на Василия было уже не так страшно смотреть, и Алексей решил узнать в честь чего стоило рисковать в лучшем случае выговором.

— А что вы праздновали? — осторожно спросил он. — У Юрия Ивановича день рождения что ли был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.